

правительству еще до посланий Игнатия был ясен именно такой социальный состав и образ действий повстанцев из отписок осаждавшего монастырь воеводы И. А. Мещеринова; в одну из них (1676 г.) были включены сведения перебежчика из монастыря старца Пахомия: «... а в монастыре заперлись и сели на смерть, здатуа же ни которыми образы не хотят, и стало у них за воровство и за капитонство,⁴⁵ а не за веру стоят, а в монастырь де в разиновщину пришли многие капитоны, черницы и белцы, из понизовых городов, те де их, воров, и от церкви и от отцов духовных отлучили; да у них же де в монастыре собралось московских беглых стрелцов и донских казаков и боярских беглых холопей и крестьян и разных государств иноземцев ... и всякому злу корень собрались тут в монастыре».⁴⁶

Эти сообщения Игнатия Тобольского следует сопоставить с попытками самого Аввакума и его товарищей наладить связи с осажденным Соловецким монастырем.

Аввакум возлагал большие надежды на архимандрита Никанора, ставшего впоследствии одним из главных руководителей соловецкого восстания. Когда Аввакум в 1664 г. был возвращен в Москву из сибирской ссылки и обласкан царем, он застал церковь «вдовствующей», так как к этому времени патриарх Никон давно уже (с 1658 г.) покинул свой престол. Аввакум решил вмешаться в весьма острые вопросы внутренней государственной и церковной политики с тем, чтобы через посредство царя обеспечить обновление состава верховных церковных «властей» и таким путем начать ликвидацию никоновских реформ. Он подал царю «моленейцо о Сергии Салтыкове и о Никаноре, и о иных ко жребию святительскаго чина».⁴⁷ Текст этого письма Аввакума до нас не дошел, но известно, что оно (видимо, в копии) было отобрано при обыске 4 января 1666 г. у близкого Аввакуму раскольника Феокиста, причем в перечне отобранных у него рукописей по поводу этого документа указывалось: «... протопопова к великому государю роспись — хто в которые во владыки годятца».⁴⁸ По-видимому, первые два лица (Сергей Салтыков и Никанор) рекомендовались Аввакумом на выбор в качестве кандидатов на патриарший престол. Это «моленейцо» Аввакума вызвало гнев царя и послужило одной из главных причин его новой ссылки (на Мезень). По этому поводу сам Аввакум писал в челобитной царю: «... ныне скорбь к скорби постиже мя, —мню, маленькова ради моего моленейца к тебе, великому государю, о духовных властях, их же и нужно тебе, великому государю, снискать» (751).

В числе бумаг, отобранных у Феокиста, значилась и «отписка протопопа Аввакума об начале к архимариту Никанору на Соловки».⁴⁹ Из этого видно, что Аввакум завязал сношения с Никанором и Соловецким монастырем еще до восстания, рассчитывая, видимо, на эту знаменитую, хорошо вооруженную и очень богатую обитель как на реальную опору в своей борьбе против государственной церкви. Вполне естественно поэтому, что

лей Аввакума «умножился скоро при стечении черни, как пламень при бурном ветре, и, смутив во многих местах народ, захватил с помощью изменников астраханских из шайки Стеньки Разина пребогатой Соловецкой монастырь и обратил оной в свой вертеп» [Историческое известие о раскольниках, изданное вторично П(етром) Б(огдановичем). СПб., 1787, стр. 15—16; ср.: Андрей Иоаннов. Полное историческое известие о старообрядцах, их учении, делах и разгласиях. СПб., 1794, стр. 10].

⁴⁵ Имеется в виду эсхатологическое учение раскольника Капитона; интересные сведения о Капитоне сообщает Игнатий Тобольский (стр. 96—97).

⁴⁶ Е. Барсов. Новые материалы для истории русского старообрядчества XVII—XVIII веков. М., 1890, стр. 122.

⁴⁷ Материалы, т. I, стр. 198—199.

⁴⁸ Там же, стр. 335—336.

⁴⁹ Там же, стр. 338.